

Зачем я живу? Ведь должен же быть какой-то смысл в жизни! Может, лучше было бы не родиться? Но меня об этом не спросили, а вот стоит ли прожить эту жизнь, раз уж она состоялась, и как прожить, придется решать самому.

Понадобится ли кому все достояние моей души, которое я хотел бы отдать людям? Будет ли кто-то рядом рад тому, что я живу? Какое общество будет дарить мне счастье или делать меня несчастным? Найду ли я понимание со своим человеческим окружением?

Если я пришел к выводу, что в обществе для меня нет места, то можно решить эту проблему двумя способами: пойти против *этого* общества, или... И очень многие не находят других вариантов, кроме «или».

Узнал я как-то трагическую весть — покончил с собой коллега. И вот какое грустное рассуждение довелось услышать от одной общей знакомой: «И ничего тут такого чрезвычайного и нет. У вас разве не бывало такого? Вот накатит вдруг черная полоса, и если в этот момент не окажется рядом близкого человека, может оказаться поздно...»

Если ты не чувствуешь пальцев ног, значит, обувь тебе впору, говорят даосы, китайские мудрецы. Весь мир стал для нынешнего человека чем-то вроде ботинка с чужой ноги, везде и беспрестанно он жмет и не дает забыть о своем и твоём безрадостном существовании.

Накапливается огромное внутреннее напряжение, которое может взорвать всю психику. А без душевного равновесия,

ощущения глубокой внутренней удовлетворенности жить невозможно. Человек же не скотина, чтобы ограничиться удовлетворением лишь материальных потребностей.

К. Г. Юнг: Мы вовсе не уничтожили своих леших и водяных, мы просто переселили их из внешнего мира, куда по соображениям душевной безопасности их ранее помещали, во внутренний мир, и теперь продукты мифологического творчества живут в заточении внутри нас в виде неврозов и психозов.

Только в белой цивилизации известна такая болезнь, как шизофрения, болезнь расщепленного сознания. Человек нутром чувствует идущие из глубины импульсы — «неправильно живете!», а осознать, вывести эти сигналы на поверхность ясного дневного сознания не может, мешают нагромождения информации.

По данным Всемирной организации здравоохранения, Россия является абсолютным лидером по числу самоубийств. Суицид уносит жизней стабильно больше, чем ДТП или убийства, что нетипично для других стран.

Что уж и говорить о счастье. Бывает, что первокурсники подходят ко мне и говорят: жить не хочется. На семинаре по смысло-жизненной философии выступает печальная Алена Соколова: вчера хоронила друга. Только неделю назад разговаривала с ним, ничего не подозревая, и вдруг — повесился в спортзале...

Не только на наше общество первоначального капиталистического накопления

наползают аномальные циклоны черной кармы. Философ Виктор Франкл приводит данные 1960-х годов о факторах смертности среди американских студентов. На второе место, после автокатастроф, неожиданно вышли самоубийства. Данные за последующие десятилетия демонстрируют устойчивую тенденцию: уровень самоубийств среди подростков утроился. И рядом — немотивированные убийства, вспышки слепой ярости и насилия. Люди уходят из гражданского правового общества в секты, в сатанизм — уходят из *этой* жизни.

«Если человечество будет продолжать жить так, как жило до этого, то оно познает, что такое конец света» — это предупреждение не какого-нибудь адвентиста седьмого дня, а одного из самых авторитетных ученых конца XX века академика В. А. Коптюга — президента Сибирского отделения Российской академии наук, президента Международного союза чистой и прикладной химии, члена Научно-консультативного совета при Генеральном секретаре ООН по устойчивому развитию.

В официальном журнале страны «Российская Федерация сегодня» член-корреспондент РАН С. П. Курдюмов, руководитель общероссийских исследований по междисциплинарному синтезу, опубликовал статью «В обход конца света». Его вывод категоричен: «Становится ясно, что путь технологической цивилизации, по которому человечество уверенно шагало последние четыре века, подошел к концу... Возможно, XXI век войдет в историю как начало эпохи Великого Отказа».

Самое трагичное в нынешнем системном глобальном кризисе — не катастрофическое положение с экологией, атомным противостоянием, социальным расслоением и национальными конфликтами. Распад души человеческой страшнее всех прочих бед вместе взятых.

Общим местом изысканий на тему развития цивилизации давно стало утверждение о гуманистической направленности этого процесса — индекс кровожадности, дескать, все же падает от века к веку, несмотря на все еще многочисленные несимпатичные проявления

социального зла. Увы, на самом-то деле все как раз наоборот...

Главный социолог всех времен и народов Питирим Сорокин пишет о взрывах насилия XX века: «Эти взрывы сделали наше столетие самым кровавым из всех предшествующих двадцати пяти веков греко-римской и западной истории... В двух мировых войнах и более мелких войнах этого века было убито и ранено гораздо большее число человеческих существ, чем во всех войнах предшествующих десяти веков вместе взятых, — «гораздо большее число» не только в смысле абсолютных цифр, но также в относительном смысле числа раненых и убитых в войне на один миллион населения».

А что же просвещенный гуманизм? Он не сокращает число жертв, он лишь рассредотачивает ответственность. Если у средневекового злодея руки были по локоть в крови, то нынешние убийцы... Вот уж действительно, а есть ли они вообще? Людей уничтожают, а убийц нет.

Вспомним хотя бы Ж.-Ж. Руссо: За один день сражения в цивилизованных странах совершалось больше убийств, и при взятии одного города больше гнусных дел, чем в естественном состоянии на протяжении целых веков на всей земле.

Свою долю ответственности за происходящее должны взять на себя и инженеры человеческих душ.

Эпоха Возрождения развела по разные стороны господскую и народную культуры. После чего пришло Просвещение — распространение объективного научного знания. Основы логического мышления несла в массы интеллигенция. И народу, не спрашивая его согласия, вместе с начатками грамоты стали прививать веру в то, что природа устроена по законам и функционирует как механизм, логично и причинно-обусловленно. Образность, эмоциональность, целостность уходили из мира абстракций. Мир призраков Большой науки становился миром не только образованных высших сословий, но и деревенского мужика, и городского пролетария.

При изучении теплообменных процессов выяснилось, что тепло не желает перетекать от холодного тела к горячему

так же, как от горячего к холодному. Процесс не шел. Он не шел, не шел, не шел настолько упорно и систематично, что оказался заслуживающим даже подведения под неопровержимый закон. Во Вселенной не должно остаться ни горячих тел, потому что они остынут, ни холодных, потому что они подогреются за счет остывания горячих. Двигатель всех процессов — разность потенциалов, окажется выключенным, движение остановится, наступит тепловая смерть Вселенной.

В поисках выхода из тупика была создана сверхсовременная наука *синергетика*. Она провозгласила: самоорганизация возможна только в открытой системе, которая берет все необходимое для своего развития из другой, более широкой системы, куда она сбрасывает и все отработанные материалы. Почему не наоборот? А это, извините, конкуренция, в точности такая же, как и в свободном рыночном обществе. Поэтому синергетику часто называют неodarвинизмом эпохи кризиса ресурсов. Характеристика убийственно точная. Чтобы было понятнее, приведу пример: *Россия возвращается в общечеловеческую цивилизацию* (в которой она, кстати, никогда не состояла) и теперь из нее, как и из прочих недоразвитых, будут высасывать все ресурсы и взамен ввозить все отходы, третьесортную продукцию и неликвиды.

Конкуренция как столп дарвинизма имеет социальные истоки в трудах Мальтуса: рабочие плодятся в большем количестве, чем для них накрыто за столом, и поэтому должны бороться друг с другом за каждый кусок хлеба. *Боливару не снести двоих...* Теорию Дарвина, объявляющую всеобщее взаимопожирание движущим фактором прогресса, Лев Толстой назвал «очевидно безнравственной». Да и как можно по-другому отнести к призы-

ву — хватай конкурента за горло и сжимай челюсти, пока у него ноги дергаться не перестанут!

Уже и детишек напутствуют родители: за порогом дома тебя ждет страшный мир, где если не ты, то тебя.

Из рыночной же идеологии вынуждена исходить и литература: востребован образ положительного героя, предприимчивого, энергичного, изобретательного человека. Обобщениями на той же базе занимаются и социология, психология, даже физика в лице синергетики — науки о необратимых процессах.

Системообразующая характеристика рыночного общества — алчность. Когда мы чего-то хотим от другого человека, мы говорим ему не о наших нуждах, а об его выгодах, настаивал основоположник экономики Адам Смит. И если ты не вписался в систему, то будешь выброшен на обочину, станешь изгоем, маргиналом. Возникает проблема: стоит ли гордиться общественным признанием в несправедливой системе?

Но если социальный заказ педагогики — воспитание рыночной личности, то ведь мы у себя в России не рыночники. Русские, татары, чукчи и нанайцы... Азы рыночной культуры — прибыль приносит только растение человека.

Общество без идеалов обречено. Искать основы мироздания надо не среди заумных формул. Займемся самыми простыми, предельно простыми вещами. Простейшее — не малозначительнейшее, а фундаментальнейшее.

Мир, в котором я хочу жить, будет устроен по-другому. И править в нем будет не конкуренция, а жажда жизни. И если двигателем развития становится преодоление распада, то и вся эволюция предстает в ином свете... И появляется надежда, что в таком мире я найду свое счастье.

ЭВОЛЮЦИЯ

Жизнь существует. Она возникла на Земле из не-жизни (теория А. И. Опарина), занесена из космоса или же существовала вечно, как материя и энергия (позиция В. И. Вернадского). Можно ли представить

развитие жизни без участия внешних сил — всемогущего бога, космического сознания, внеземных цивилизаций, какого-то другого великого неизвестного? Требовались ли сторонние первотолчки: творческой ли эво-

люции — по А. Бергсону, предустановленной гармонии — по Г. Лейбницу? Совсем необязательно. Несомненно одно — она есть. Из этого и будем исходить.

В царстве мертвой материи господствуют процессы рассеяния энергии, в царстве жизни, наоборот, энергия накапливается и концентрируется. Жажда жизни толкает живое существо вперед, заставляет его собирать рассеивающуюся энергию. Необратимость обеспечивают два механизма. Стопором, удерживающим от сползания вниз, служит страх смерти, инстинктивное оттягивание неизбежного конца индивидуальной жизни. А воспроизводство рода, которое есть рост за пределы организма, — это маневр в обход смерти.

Чтобы найти наилучшие способы самосохранения, жизнь выработала исследовательский инстинкт. Если бы у индивида не было активного творческого поиска как движущего начала, вид остановился бы в развитии. Общность лишь обеспечивает тебе прикрытые с тыла, впереди — никого, ты один. Вид, общность не могут исследовать, это способность лишь индивида. А общность закрепляет найденное, принимает его как норму, как инструмент, повышающий видовую приспособленность.

Основному инстинкту противостоит фрейдовский пансексуализм.

*Плоды запретные таят
особый вкус и аромат,
Но, к сожаленью,
Они теряют тайный мед,
Когда начнешь варить компот
Или варенье.*

*Ты мне нужна не для услуг.
Среди служанок и прислуг
Любви не место,
Любовь останется со мной
Вечновеенчанной женой,
Всегда невестой.*

*Прими любовь
Такой, как есть,
Не надо мне
Другой подруги,
Поэтому
Имею честь
Не предлагать
Себя в супруги!*

Жорж Брассанс

Так выглядит любовь по-голливудски. Ясно, что она не может обеспечить сохранение жизни. Но имеются и иные толкования инстинкта продолжения рода:

Придет пусть, кто хочет:

*Садовник, рабочий,
Сапожник, художник,
Шахтер или судья...
Любой — сердцу дорог:
Мне минуло сорок,
Но все ж до сих пор вот
Не замужем я...*

*Пусть муж изменяет,
Пусть ходит в пивную,
Я не приревную
Его ни к кому!
Доход не истрачу,
Побьет — не заплачу,
Всегда буду верной ему одному!*

*У нас будут дети
Милей, чем у Бетти!
К нам в праздники будет*

съезжаться родня...

*Придите ж скорее!
Я жду! Я — старею!..
Хоть кто-нибудь замуж*

возьмите меня!..

Валерий Карташкин.
Из американского фольклора

Пьет, бьет, гуляет — ну что за мелочи, главное, чтобы жизнь продолжалась! А тайный мед, кто же против, если он будет украшать любовь, лишь бы не подменял. И не пить — лучше, чем пить, но речь-то не об этом! *Быть или не быть, вот в чем вопрос...*

Инстинкт продолжения рода ничего не давал индивиду, больше — порождал только конкурентов. Мне же больше достанется, если придется делить последний кусок на двоих, а не на троих! И стирать пеленки да лечить детские болезни — не самая большая радость.

Что такое хорошо и что такое плохо? Ответ будет зависеть от того, с какой позиции рассматривать дело: личной корысти или интересов народа и человечества.

Этика — инстинкт самосохранения рода (П. А. Кропоткин).

Двигателем развития является не конкуренция, а способность противостоять

хаосу, распаду. Смерти. Жизнь отдает предпочтение не сильнейшим, а сумевшим наиболее гармонично вписаться в природу.

Привычно слышать, что у животных инстинкты гарантируют гармонию с природой. Если не вписался — выбываешь из состава живущих. Тебя вычеркивает отбор. Почему же цивилизованный человек находится в ином положении? Он

создал для себя иную, рукотворную среду обитания и вышел из-под юрисдикции природы. И если согласия с природой не найдено, то еще неизвестно, для кого этот конфликт опаснее. Всемогущество цивилизации грозит уничтожить всю биосферу. Не наоборот. Покорим природу! — лозунг отнюдь не случайный. Нынешнее состояние биосферы — результат деятельности ее внутренних сил.

ЖИЗНЬ ПРОТИВ СМЕРТИ

Мы помним все — парижских улиц ад и венецианские прохлады...

И память обо всех более ранних, предпарижских и довенецианских событиях хранится в моих генах.

Когда-то, давным-давно, за миллионы лет до нашей эры, я был изначальной первоклеткой, и был я один во всем мире. И нужно-то мне было всего ничего... Чтобы было тепло, а не холодно, да чтобы согреловало, а не жгло. Чуть вышел какой-нибудь параметр за пределы — и конец!

Во всем я был на волосок от смерти. И надо признать величайшим чудом то, что все же нашлось местечко посреди холодной бесконечности, где жизнь смогла прорасти, укорениться и закрепиться. Какая там еще конкуренция! Стимулом моего сохранения и развития была только жажда жизни, простейшего выживания в сложнейшем и страшнейшем окружающем хаосе распада и уничтожения. Искорка жизни в царстве смерти.

Да и нынче... Стоит только посмотреть на природу неподвизтым взглядом, сразу становится ясно, как трудно жизни противостоять напору смерти. Дубовые релки в долине Амура сохраняются только на слегка возвышенных ландшафтах среди болот. Корни дуба не выносят обводнения на сколько-нибудь длительный срок. Но вот лиственница — самое неприхотливое, самое выносливое дерево в наших суровых условиях. Тем не менее великий потоп 2013 года уничтожил огромное количество столетних деревьев даже в удалении до тридцати километров от основного русла Амура.

Около моей палатки стояли два величественных гиганта, один выше другого

по склону всего на метр. Выжил тот, что рос повыше, а другой засох. Хорошо хоть с дарвиновской конкуренцией наш суровый русский лес еще не познакомился. Здесь царствует взаимопомощь. Ветры у нас такие, что против них не выстоит никакой кряжистый богатырь. Что уж говорить об одинокой лиственке, у которой вся корневая система располагается прямо под поверхностью, — так она приспособляется к вечномерзлым грунтам, успевающим оттаять летом всего на полтора-два метра. Но сплоченный таежный коллектив переплетается корнями воедино и переносит такую ярость стихии, от которой ломаются пополам столетние дубы.

Да и взять хотя бы мышей... Сладу с ними не было. Гроза для лесных пасек. Без кошек съели бы милые норушки все соты, рамки и ульи, рой и семьи. Пытался я с ними бороться, только все без толку. Их много, а я один. Они могут все свое время отдать борьбе, а я нет. И какие бы уловки против них я ни выдумывал, они то и дело оказывались умнее доктора наук.

Полужинал я как-то в палатке, а убрать за собой поленился. Поставил миску с остатками пищи на металлический короб и лег спать. Вскарabкаться по вертикальной стенке мышка и вправду не смогла. Выбежала она на улицу, поднялась снаружи по скату крыши, прогрызла дырочку аккуратно над моими котлетами, прыгнула, полакомилась не спеша, оставила визитную карточку — очень различимые следы жизнедеятельности в миске — и была такова.

Но вот сентябрь 2013-го... Спустился я к своему табору от прилегающей сопки.

Уровень воды — метр над землей. Дрова у кострища, выступающие из-под воды, — серые от копошащихся мышшек. Могут норушки и залезать на деревья, особенно на дубы с их бугристо-неровной корой. Забраться-то могут, а жить не в состоянии. И через недельку исчезли они из ближних и дальних окрестностей моего лагеря. Три года прошло после потопа, а мышшей все нет как нет. Даже скучно стало. Никто не зашуршит ночью под настилом пола, не блеснет любознательными глазками в свете фонарика.

Черной пеной наносило скопища муравьев на травянистые берега, целые валы нагромождались. Массами гибли воины, работники, матки и прочие члены их отлаженного гармоничного сообщества.

А я, восстанавливая после паводка свое хозяйство, постарался застелить чистоты ради пол в палатке несколькими слоями клеенок, пленок и матерчатых покрывал. И однажды в жаркий, нестерпимо

душный вечер, когда воздух был настолько насыщен влагой, что хоть котелком его черпай, приподнял одну из клеенок и ужаснулся. Вся площадь была выстелена сплошным слоем белых яиц.

В 1998 году пожар планетарного масштаба уничтожил миллионы гектаров прекрасного леса: черные пространства без единой зеленой веточки простирались, сколько мог охватить глаз, от горизонта до горизонта. Много лет прошло, пока не выросли деревца из летучих семян... Изменился, деградировал породный состав, ценные хвойные виды заменились низкосортным лиственным подростом. Ели, пихте, лиственнице и кедрю требуется минимум сто лет, чтобы дорости до полной спелости. А в условиях все возрастающего давления цивилизации где же наберешь эти века естественного развития?

Нет, очень трудная это задача — сохранение жизни на нашей уютной зеленой планете...

РАСТИТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ. БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

У растения нет органов для получения данных о внешнем мире. Зачем зрение живому существу, если оно, увидев пожар, не сможет убежать от него? То же — с обонянием, слухом.

Движение особи у растений — это не смена местоположения, а рост. Оно не самопроизвольное, поправки по мере продвижения не вносятся. Почему растениям и не потребовались ощущения. Растение ползет прямо и поворачивает только вынужденно. Так же как хоккейная шайба, брошенная вперед, по закруглениям бортов может приобрести противоположное направление.

Опасностей в жизни неподвижных и беззащитных существ многое множество. Но и в следующий раз живая особь без руля, без тормозов и акселераторов будет идти и идти так же, как и раньше. У индивида не накапливается опыт проб и ошибок. Этот накопленный опыт приобретает только вид, внося поправки в поведение следующего поколения.

В мире живой материи существует необратимое саморазвитие, косная же

материя саморазвиваться, усложняться и совершенствоваться не может.

Но главное отличие живой материи от косной — это способность к воспроизводству. «...Самая естественная деятельность живых существ, поскольку они достигли зрелости, не изувечены и не возникают самопроизвольно — производить себе подобное (животное — животного, растение — растение), дабы по возможности быть причастным вечному и божественному» (Аристотель).

Чтобы исключить возможные недоумения, приведу пояснения А. В. Сагадеева к этому тексту: «*Самопроизвольно* («автоматически») возникающими Аристотель называл те живые существа, которые порождаются не однородными с ними существами, а «гниющей» материей».

При помощи всевозможных отпрысков — побегов, отростков, отводков, семян, плодов и зерен — растение распространяется по всем пунктам и нишам, урманам и урочищам, ареалам и местообитаниям. И хоть в подавляющем

большинстве этим зародышам новых живых существ выжить не удастся, все же находятся и площадки, на которых они укореняются и обосновываются.

Каждое семечко растения — как тот самый сапер, который ошибается раз в жизни. А вслед за ним идут следующие, которые погибают за себя и за того парня.

ЖИВОТНЫЙ УРОВЕНЬ. ПОВЕДЕНИЕ

В аэроклубе на первом занятии инструктор обучает новичков прыжкам с самолета:

— *Рванешь кольцо, и парашют раскроется.*

— *А если нет?*

— *Тогда надо выдернуть кольцо запасного.*

— *А если и он не раскроется?*

— *Ну что ж — значит, парашют оказался негодным. Приходи на склад, заменим...*

У растений вид тратит на одно верное решение m индивидов. Индивиды — щупальца вида, они протягиваются навстречу неизвестности, исследуя ее на предмет пригодности для жизни. У животных индивид тратит на одно верное решение m попыток.

Тяга к усвоению энергии и к избеганию опасностей преобразуется у животных особей в чувства-желания: это голод — переживание пищевой неудовлетворенности, и это страх смерти — избегание усталости, боли, разрушения и идущей вслед за ними гибели. Чувство голода толкает тебя вперед в поисках пищи; страх смерти удерживает от сползания назад, от падения в пропасть, где твое тело начнет разлагаться.

Автомобиль не будет страдать от нехватки бензина, аккумулятор не устремится к поискам электрической розетки, и угроза уничтожения их не испугает. Чувства-влечения — это не датчики состояния. В автомобиле на табло есть показатель остатка горючего в бензобаке. Он просто сообщает, не требует, не принуждает, а чувства-желания, чувства-влечения действуют как магнетизм, как всемирное притяжение, к тому же они изменяют состояние и функционирование организма. И растительный индивид тоже не станет мучиться от недостатка света или от приближения огня, он покорно и безвольно

зачахнет или сторит. Животную же особь чувства-желания побуждают к произвольному целенаправленному движению в поисках решения проблем энергетики и техники безопасности.

Растение действует по программе без обратной связи, животное — с обратной связью, оно может корректировать свои отдельные акты деятельности. Сделал шаг, попал в болото, прихожу к выводу — назад!

Когда вместо вида обучающимся стал индивид, резко возросла скорость эволюции. Учиться на своих ошибках начали индивиды животных, способных к дрессуре. Стремление малышей к игре — это подготовка к серьезной жизни, тренировка. Отработка обратных связей. Повышение вооруженности. И на тот случай, и на другой случай... Формирование багажа домашних заготовок. Но это только для высших животных. Моллюски, насекомые и черви не играют.

Зачем нужно самопроизвольное движение? Чтобы взять ход назад, если первая попытка оказалась неудачной, — а можно, я перехожу? У растений — занесло индивид не туда, там ему и конец. И о тех, кто ушел в расход, и памяти не осталось.

Теофраст: «А между тем во время ощущения мы часто испытываем страдание в силу самого ощущения, а по словам Анаксагора, всегда, ибо, по его мнению, всякое ощущение сопряжено со страданием».

Когда О. Генри сидел в тюрьме, ему рассказал необыкновенную историю прототип главного героя его будущего рассказа «Обращение Джимми Валентайна». Джимми был опытным взломщиком сейфов, его чуткие пальцы воспринимали тончайшие оттенки в каждом щелчке кодированного замка. Но для самых изощренных кодов приходилось спиливать ногти до живого мяса, чтобы улавливать

практически неслышимые вибрации *обнаженными нервами*.

Тут вступают в дело уже не специализированные подкожные окончания нервов, ощущающие внешние предметы, а каналы, по которым передаются сигналы от внутренних органов в управляющий центр. Замок сейфа включается таким образом в число собственных живых органов. Внешний мир делается внутренним, восприятие обостряется до предела, буквально сверлит мозг. Как микроскоп, увеличивая размеры предмета, позволяет рассмотреть самые мелкие его детали, так и чудовищное изобретение мистера Валентайна, увеличивая в сотни раз масштабы боли, дало возможность отличать нужные щелчки замка от ненужных.

...Устами младенца глаголет истина: поцелуй — это когда сосешь, но мало. Соответственно, ощущаешь — это когда болит, но мало. Ощущения — просто тонкие различия боли.

Боль в глазах дает нам зрительные различия. Нельзя смотреть на солнце невооруженным глазом, опасно направлять взгляд на сполохи сварочного аппарата. И когда в солнечный день идешь по снежному полю, яркие лучи обжигают глаза и ты не различаешь ни бугров, ни выбоин и запросто можешь упасть в яму под снежным гребнем. А чуть солнышко зайдет за тучку, ты уже начинаешь видеть контуры, различия освещенности, потом разделение цветов, далее — всю гамму видимых особенностей.

То же и со слухом. Гром или взрыв больно бьют по ушам, а если звуки тише,

они воспринимаются уже не так болезненно и мы начинаем выделять в колебаниях воздуха множество тонов и интонаций. У людей, обладающих музыкальным слухом, болевой порог очень низкий. Одна моя знакомая скрипачка, в юности работавшая в музыкальной школе, жаловалась: уши болят, когда эти оболтусы врать начинают.

И запахи ощущаются так же. Когда белые люди попадали в гости к чукчам, зимой им очень не хватало воды для умывания и они поначалу обтирались одеколоном. Но заметили, что хозяева испытывают острую физическую боль от запахов, обжигающих их нежное обоняние, и, как люди деликатные, были вынуждены прекратить это издевательство и перенять образ жизни туземцев.

Вкус появился как индикатор вредности, ядовитости, горечи исследуемых продуктов; далеко не сразу стали различаться градации «более вкусно — менее вкусно», то есть более полезно или менее полезно.

В организме между чувствами-желаниями и чувствами-ощущениями устанавливаются постоянные связи. Сигналы из внешнего мира вызывают реакцию организма, определяют его двигательную активность.

Реакция растительных индивидов на внешние воздействия запрограммирована и предвычислима, а у животных она произвольна. Для наблюдателя со стороны она неподводима ни под какую постоянную регулярность. Попробуй угадай, какой ход выберет в своем лабиринте мыслей, чувств и обратных связей это своенравное живое существо!

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ. РЕФЛЕКСИЯ

Рефлексия — это знание о знании. Чтобы слышать то, что я вижу перед собой сейчас, и то, что видел раньше, мне нужна память, кладовая использованного материала. На хранение откладывается вся цепь: ощущение — обработка — решение, интервал от сигнала до реакции, целый срез одновременных событий. И так цепь за цепью...

Память — это все множество отдельных следов мыслительных действий, гео-

логические напластования моих мыслей и чувств. Это музей, где к каждому экспонату прошлого можно подойти, осмотреть его и сравнить как с другим прошлым, так и с нынешней картиной. И эта кладовая тоже представляет собой объект исследования. Во внутреннем мире человек ищет так же, как и во внешнем, при этом у него гораздо больше надежд на обнаружение находок, потому что внешний мир — это лишь один временной срез действитель-

ности, а внутренний — множество таких срезов.

Рефлексия знаменует собой новый этап эволюции. Конечно, память есть и у животных, иначе при использовании обратной связи выбор лучшей попытки был бы невозможен. Принципиальная разница между человеком и другими живыми существами — в форме хранения материала. Человек оперирует множествами представлений, более того, упакованными множествами, и еще важнее — их обозначениями. Знаками. Словами.

Если обращаться к хранилищу воспоминаний об ушедших в прошлое событиях и объектах, то перебрать их по одному окажется невозможным. Требуется уплотнить рыхлый набор в объемные блоки, далее заменяя их несравненно более удобными в обращении именами. И если эти имена будут одинаково пониматься всеми членами сообщества, то знания, полученные многими людьми, можно объединить в коллективную копилку опыта проб, ошибок и находок. Возможность передачи знания от одного познающего субъекта к другому обеспечивается единым языком, предназначенным для целей общения, объединения усилий соплеменников, соседей и соратников в борьбе за жизнь. Недаром слово *языки* раньше значило *народы*. Языческая культура — древнейшая народная культура. Всем коллективным народным знанием пользуется каждый владеющий данным языком.

Только дураки учатся на своих ошибках. Если у нас возникла проблема, мы можем, не предпринимая никаких реальных действий, обратиться к перебору проб и ошибок в аналогичных прошлых ситуациях, хранящихся не только в личной, но и в общественной кладовой производственного опыта. Рефлексия позволяет извлечь из памяти предыдущие попытки, проанализировать их результаты и, не выходя за пределы внутреннего мира, выбирать наиболее обнадеживающие варианты действия в мире внешнем: а что будет, если я сделаю так? А если по-другому?

Если я буду переправляться здесь по тонкому льду и провалюсь, что получится? Утону, здесь большая глубина и быстрое течение. А если попробую по-

выше? Там мелко. Вымокну, но в живых останусь...

Рефлексия — это самоконтроль. Все ли, что я делал раньше, можно делать и в дальнейшем? И если у растений поисковая деятельность требовала расхода индивидов, то у животных она стала требовать расхода попыток, а потом, у человека, расхода проектных вариантов реальной попытки. Животному индивиду, чтобы исправить ошибку, прежде нужно ее совершить. А человеку требуется думать раньше, чем начать делать.

Если ты не сумел перехитрить смерть, не смог предупредить и обойти ее на путях рефлексии, держи оборону на ступень ниже — борись движениями, обратной связью, физической силой, уклоняйся, нападай, отбивайся, как зверь, а если и это не помогло, спускайся еще ниже, борись методами растительной, органической жизни. Гибни массами индивидов, чтобы выстоять хотя бы как вид, если как индивид не получилось. Жертвовать жизнями ради жизни, как заведено издревле в эволюции, — глубочайший жизненный инстинкт.

...У растения энергия уходит в рост, у животного — в розыскную деятельность, человек тратит ее на аналитическую работу мысли. Если же он мало думает, то ему приходится больше прыгать или меньше есть.

Память, пополняясь и обогащаясь впечатлениями о внешнем мире и о наших действиях в этом мире, формирует внутренний мир человека. Постоянное обращение к багажу прошлого, использование внутреннего мира для планирования и обоснования всей своей деятельности приводит к самоосознанию своего Я, своей неповторимой индивидуальности, созданной генетической и культурной памятью, впитавшей социальные нормы, дополненные личностным багажом, полученным в общении с ближним и дальним человеческим окружением, с природой.

Личностный багаж, который, согласно дзэн-буддизму, определяет сущность человека, у нынешнего компьютерного поколения, увы, на нуле. У них все вторично, все проходит через сетевые каналы, управляющие формированием личности.

Зомбирование стопроцентное. Какое представление о мире получает пользователь ПК? Мы воспринимаем цвет вина только через стекло бокала, говорят суфии, исламские мудрецы. А если на стекле накопились кляксы, полосы, отпечатки или даже изображения? Интернет — источник непоправимых искажений личного мировосприятия.

Память — множество следов. И когда в этом множестве нет ничего своего, личностный багаж отсутствует полностью, такими людьми очень легко манипулировать. Даже если у телевизионных магнатов и владельцев мировой сети никакого злого умысла и нет, все равно человек, получающий сведения о мире из электронных источников, будет иметь деформированное представление о внешнем окружении.

Дитя асфальта и Интернета полностью отключено от природы. Его душа заполнена лишь подделками, электронными преобразованиями реального мира. Прямых контактов с природой, восторга и благоговения, удивлений и открытий нет и в помине. Отсутствует даже понимание необходимости облагораживающего влияния природы.

Руководствуясь рефлексией, мы всегда пытаемся предугадать ходы и варианты. Ощущение порождает команду, она реализуется — и летит во внешний мир ответка, иногда более чем адекватная. Ре-акция, ответное действие. Внутренний мир открывает перед нами безграничную возможность воздействия на мир внешний. В ход идут воображение, домысливание. Фантазии, изобретения. Генеральная линия эволюции переходит в развитие психосферы, умопостигаемого мира.

Возникает умозрение — я могу обозревать мысленным взглядом кладовую своей памяти. Фрагменты воспоминаний, объемные блоки хранящихся в памяти свидетельств о внешнем мире преобразуются совсем не по правилам и законам окружающего мира.

В своей памяти я могу поставить рядом то, что стояло далеко друг от друга, заставить любых фигурантов совершать несвойственные им поступки, перекрасить какую угодно картину, перелицевать одежды на всех героях... Мой внутренний

мир подвластен самым затаенным моим желаниям. Это не фотоальбом внешнего мира, а инструментальная мастерская.

Рефлексия и стала кузницей инструментов для покорения мира, поражения природы. В нашем внутреннем мире образный строй внешнего мира формируется литературными параллелями, ассоциациями, аллегориями, метафорами, тропами и прочими приемами обработки первичных описаний.

И невозможное становится возможным в стране Вообразилии.

*Дома в строю темнели сквозь ажур,
Рассвет уже играл на мандолине.
Краснела дева.*

*В дальний Сингапур
Вы уносились в гоночной машине.
Повержен в пыль надломленный тольпан.
Умолкла страсть. Безволие... Забвенье.
О шея лебедя!*

*О грудь!
О барабан и палочки —
трагедии знаменье!*

Такой увидел внешнюю реальность поэт Ярослав Нерад, когда «в четыре часа утра на Житной улице автомобиль сбил с ног пьяную старуху и скрылся, развив бешеную скорость» (Карел Чапек).

Все, что есть в нашей психике, это следы ушедших впечатлений, прошлых деяний, нереализованных замыслов, неисполнившихся желаний. И сколько же мощи таится во всем этом гигантском багаже, надо лишь направить эти беспорядочные векторы, несвязанные фрагменты, разбросанные импульсы в нужную сторону!

Древнейшей представляется животная тяга к воссоединению полов. Но все же еще более древнее, растительное происхождение имеет стремление особи к самопожертвованию. Индивид у растений — разведчик вида, направленный первопроходцем по минному полю. Сильнейшее устремление человека имеет самые глубокие корни. А рефлексия позволяет индивиду перенацеливать исследовательский импульс.

Овладение рефлексией вовсе не отменяет использования прежних достижений

эволюции. И поведенческие навыки животного уровня развития, и законы функционирования биологических процессов продолжают играть свою роль в нашем установлении гармонии с окружающей природой.

«Все́му, что живет и обладает душой, необходимо иметь растительную душу от рождения до смерти: ведь необходимо, чтобы родившееся росло, достигало

зрелости и приходило в упадок». Мало того, «то, благодаря чему мы прежде всего живем, ощущаем и размышляем, — это душа» (Аристотель).

Рефлексия настолько повысила мощь человеческой мысли, что оказалась способной не только защитить завоевания эволюции, но и нанести ей урон даже больший, чем со стороны холодного безжалостного космоса.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ БОЛИ И НАСЛАЖДЕНИЙ

Индивидуальный механизм самосохранения впервые появляется у подвижных и имеющих ощущения живых существ. За ощущениями приходят и боль, и наслаждение. Боль вынуждает индивида обратить внимание на нарушения жизненных процессов. Но почему мы считаем, что растения не чувствуют боли? У них нет внешнего выражения этого чувства. А может, им все же больно? Но это утверждение бездоказательно так же, как и то, что железу больно, когда его куют. Какой эволюционный смысл был бы в том, если бы растение, неподвижное существо, чувствовало боль, а также наслаждение как избавление от нее? Оно же все равно ничего бы не смогло предпринять! Так зачем же обнадёживать и мучить бедную особь понапрасну! Пусть уж остается бесчувственной и к боли, и к радости...

У человека кроме физических страданий появляются душевные муки — хоть мне и тепло, и уютно, и ни на голод, ни на жажду я не жалуясь, затронута мое достоинство. Меня недооценили, обидели, унизили... Зато уж и множество наслаждений возрастает более чем пропорционально! Чем выше поднимается живое существо по лестнице прогрессивного развития, тем ярче и масштабнее становятся его наслаждения.

Голод, страх смерти по причине энергетической недостаточности, требует — живи, сколько тебе отмерено! Добровольная, досрочная смерть — предательство жизни. Половое влечение обязывает — живи в веках и поколениях! Не имеешь права на смерть фамилии по твоей личной вине.

Боль беспокоит, как надоедливый звонок будильника, не дает забыть о нарушении, терзает напоминаниями — прими меры! Я помню, как в двадцатилетнем возрасте меня удивило: иду с очень тяжелым рюкзаком в подъем, и мускулатура ягодич — вот-вот порвется! — выдает на КП сигналы боли. Сильной боли, невыносимой. Приходилось регулировать нагрузку, идти по склону не в лоб, а наискось, избегать резких включений...

Наслаждение дарит разрешение на забвение — красный флажок снят, нарушение устранено, нормальное функционирование восстановлено, можно выдохнуть: «Уф-ф... Отлегло...» Можно расслабиться, вытянуться на травке, размять закаменевшие мускулы...

Как же формируется чувство боли? Датчик бесстрастно фиксирует, не ведая ни жалости, ни гнева, добру и злу внимая равнодушно, — есть нарушение! Это еще не боль. Сигнал доходит до управляющего центра, и уже там создается поведенческий комплекс, не дающий жить спокойно, дергающий за полы костюма, подталкивающий, — ну ведь надо же что-то предпринимать! Сколько же можно делать вид, будто ничего не происходит! Когда говорят, что болит нога, это неправильно — боль размещается не в ноге, боль — в голове, нога только сигнализирует. К тому же боль начинает мучить не тогда, когда что-то произошло, а когда ты узнаешь об этом, когда сообщение дошло до твоей души и было ею воспринято.

Итак, боль — психофизиологическая структура, не дающая забыть о повреждении. Наслаждение — структура, дающая

отбой тревоги. Опасности ликвидированы, живите спокойно! Восстановлена обычная жизнь, без сожалений о прошлом, без опасений о настоящем, без планов на будущее. Сердце бьется, кровь течет в жилах, боли не тревожат, дышу полной грудью...

В годы моей молодости в геологическом отряде на Камчатке работал ветеран войны, переживший и ужасы кровавых битв, и запредельные испытания концлагерей. Частенько в самые неподходящие, даже тяжелые моменты полевой нашей жизни я с удивлением обнаруживал на его лице выражение неизъяснимого блаженства. «Вот дождик пошел, конь потянул повод, портянки сбились, — доходило до его сознания обыденное. И вдруг: — Да при чем же здесь дождик, конь, портянка? Ведь это я, я живу! Живой!»

В своем миллионнолетнем развитии все более тяжелые нагрузки взваливала на себя жизнь, преодолевая смерть, распад и разложение, и потому все более сладостные удовольствия она получает, сбрасывая один за другим эти грузы. Однако жизнь, состоящая из одних наслаждений, невозможна.

Ходжа Насреддин проснулся однажды с ощущением полета. Он ехал на осле, задремал, свалился и открыл глаза в самый момент падения. Но нельзя же падать с осла вечно. Когда-нибудь это ощущение свободы между небом и землей придет к своему естественному завершению. Либо ты на осле, либо на земле. Пограничное состояние не для жизни — для перехода. Предбанник построен не для того, чтобы в нем мыться.

Особое психофизиологическое состояние возможно только как переходное. Хаос, распад, он вечно на страже, он подкарауливает твою минутную расслабленность. И потому — добился своего, испытал промежуточное состояние блаженства — и хорошо! Снова на стражу совершенства, на защиту жизни от распада, от хаоса, от смерти! В блаженстве ты беспомощен, что в любовном, что в алкогольном, что в наркотическом.

Из поучений Рамакришны:

Что ощущает человек в самадхи?

Это состояние блаженства,

подобное тому,

*Которое испытывает рыба,
вынутая из воды,
Когда ее бросают обратно в воду.*

Момент возвращения рыбы в родную стихию не может быть постоянным. Наслаждения, удовольствия — чувства восстановления гармонии. Будда испытал свою нирвану под деревом Бодхи, когда крестьянская девушка Суджата принесла ему, иссушенному аскезой до предела, находящемуся на грани голодной смерти, чашку риса. В основе было физиологическое чувство избавления от голода, но блаженство разлилось за пределы материального мира, породило понимание — я избавился от головной боли, нашел первопричины, почему же в мире столько страданий.

Голодный набрасывается на пищу, но как только муки голода утолены, он смотрит на нее уже безо всяких эмоций. Рыба Рамакришны, после того как она наслаждалась своим спасением, возвращается в обычное состояние, живет, удовлетворенная, и все! Как все вокруг живут.

Но и, с другой стороны, вечное блаженство тоже абсурд. Отключение от ощущений реальной жизни, от мобилизации сил, приспособительных возможностей... И ты уже никто, и звать тебя никак. К тому же и скучно. Как вел свою убедительную антирелигиозную пропаганду фельдкурат Отто Кац, воздух в раю ароматизируют распылители одеколona и в ушах так надоедливо звучит музыка Брамса, что в ад захочется.

Да еще и ко всему вдобавок, райская жизнь — паразитическая жизнь. Никакого преодоления, нечего преодолевать. Ну просто руки приложить не к чему! И разве мыслимо такое, чтобы небожителям не стало мучительно больно за бесцельно прожитые годы?

Пограничная физиология одноразовая — оргазм пришел и ушел. Было, да сплыло... Зато экстаз, психологическое состояние восторга, имеет свойство многократного воспроизводства. Ощущение порождает, уходя, впечатление; показание датчика оставляет в уме отображение, которое ты можешь сколько угодно раз извлекать из памяти. И оно может оста-

ваться столь же ярким, нетускнеющим, и даже — снова и снова докатывающимся до физиологии. Уходит земля из-под ног, вращается и ухлывает вдаль весь мир...

Кольшется не флаг и не ветер, а ум, — заурядная истина в дзен-буддизме.

Можно рассматривать наслаждения по степени обременительности эволюционных достижений для органического индивида — сначала сбрасывается самая тяжелая ноша, рефлексия, дальше процесс продолжается в направлении к косной, бесчувственной материи.

И у животных блаженство обеспечивается переходом вниз, избавлением от груза позднейших обретений, отказом от обратной связи. Когда рыба, лежавшая на берегу, оказывается снова в воде, она в восторге описывает круги, выпрыгивает в воздух. Она наслаждается жизнью без обратной связи, не заботясь о последствиях, мечется, не опасаясь, что вот-вот врежется в корягу или выскочит снова на берег.

В Молдавии свиней кормят виноградным жмыхом от молодого вина, парнокопытные удовлетворенно хрюкают, пьянеют и шатаются, ноги у них заплетаются; и кончался этот пир горой тем, что они падали наземь всеми четырьмя кверху и валялись бесчувственные и обездвиженные.

А вот эпизод из моей камчатской экспедиционной практики. Конь с вьюком пошел на подъеме вначале прямо пластать по крутому склону. С каждым рывком его движения становились все менее и менее уверенными. Немного не добравшись до ровной террасы, он дваж-

ды оттолкнулся ослабевшими ногами на одном и том же месте, потом обреченно-блаженно закрыл глаза — будь что будет, хоть в последний момент расслабиться! — и начал медленно опускаться на колени. «Ах ты, трам-тарарам!..» — услышал он выразительную команду и почувствовал удар сапогом по морде, испуганно всхрапнул и пришел в себя. Еще прыжок, и цель почти достигнута, но он опять, уже окончательно, решил, что это выше его сил. Не делая никаких попыток удержаться, конь рухнул вниз, проделывая замысловатые пируэты, ломая стволы кедрового стланика, выючные ящики и собственные ребра...

По прихоти судьбы человек может остаться без удовлетворения не только человеческих, но и животных, и даже растительных потребностей. Лишиться воздуха, воды, тепла и пищи. Оказаться в клетке с тиграми, в кратере вулкана, встать на грань жизни и смерти в тысяче других ситуаций...

В предрассветном сумраке я едва различаю серый угол палатки — и испытываю наслаждение. Потому что вечером, когда засыпал, не было никакой гарантии, что утром проснусь. Когда на улице минус сорок, в палатке минус сорок, и температура моего тела могла бы стать минус сорок... И вот — о, блаженство! Вижу! Что? Да не все ли равно? Главное — это я. Я чувствую, я есть, я существую!!! И такое не может надоест, жизнью не пресытишься. Какие бриллианты, виллы, яхты и миллиарды в банках сравнятся с серым углом палатки?

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ: СРЕДСТВО СТАНОВИТСЯ ЦЕЛЬЮ

Ощущения приносят нам боль, напряженная работа — усталость, беспрестанный придиричивый самоанализ выматывает душу. И хочется спрятаться от бед и опасностей этого жестокого мира.

Зигфрид Кракауэр* описывает бегство типичного немецкого бюргера от реальности, когда *красные корешки Достоевского украшали почти каждую гостиную:*

«...Бессильный принять решение, сын теряет всякое самообладание, и когда мать, точно малого ребенка, утешает его, сын беспомощно склоняет голову ей на грудь. Этот жест, подкрепленный и подчеркнутый самоубийством этого человека, свидетельствует о его желании вернуться в материнское лоно. Он так и не стал зрелым, взрослым человеком. Характерно,

* Кракауэр Зигфрид (1889–1966) — немецкий социолог, публицист и теоретик кино.

что этот примечательный жест полного душевного поражения неотвязно, почти без изменений кочует из фильма в фильм, указывая на то, что инстинктивное сопротивление внутренней свободе было типичным для немцев того времени». Немцев предгитлеровской эпохи.

Химические способы «завей горе веревочкой!» — такая же капитуляция, как и «мама, роди меня обратно!».

*Не веселья ищу в этой чаше на дне,
Я не варвар беспутный, погрязший в вине.
Стыдно жить без надежды,
без пользы, без цели, —
Эта чаша дарует забвение мне.*

Омар Хайям

Алкоголь, наркотики — искусственные средства достижения того состояния, которое человек утерял в цивилизованной жизни. И так как мы почти забыли естественные пути к самозабвению, то, хотя бы изучая извращения, попытаемся понять что-нибудь в нормальной жизни.

Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Может, хоть через это мутное окошко мы увидим туманные, призрачные миры, к которым с такими трудностями производится бедный мистик, полусожженный внутренним огнем фанатизма... Дурак, зачем он не напился, тогда бы не было сомненья...

Работает солидный научный симпозиум. Все так умно, заумно, премудро, и все на полном серьезе отрабатывают свой номер. Строгий галстук, элегантный костюм, осанка, взгляд, жест, любезная улыбка — все по протоколу. Дорогой профессор Евгений Федорович, уважаемый коллега Иштван Динеш... Ничего живого, ничего человеческого. Ну прямо настоящие египетские мумии, лягушки в формалине. День проходит в прениях, другой, все взопрели, устали до чертиков от своих ролей. Галстук жмет, надетая личина сводит лицевые мускулы конвульсиями лицемерия...

И опытный организатор планирует заранее *товарищеский ужин*. Первый официальный тост за науку, второй — тоже официальный — за дружбу, далее пошли игривые шутки, намеки, галстуки

расслабляются, пиджаки небрежно небрасываются на спинку стула, общий разговор разбегается на многие шумно журчащие ручейки, общие тосты сами собой превращаются — ибо не докричишься — в локальные, или проще — лакальные, от слова «лакать». Дорогой профессор становится Женькой, зарубежный коллега — Ванькой. Вместе с пиджаками сбрасываются маски, забываются выученные роли, появляются человеческие лица, звенит смех, откуда ни возмись берется естественность, непринужденность. После третьей-четвертой-пятой-десятой профессора пляшут, скачут, дурачатся. Да разве только профессора?

Священники пьют *до положения риз*. Короче говоря, все пьют, чтобы расслабиться, отдохнуть от вечного маскарада и балагана, от ненатуральной жизни, которая всем уже просто обрыдла.

Но это только начало. Возлиания продолжают. Профессора, деловые люди и священники, ставши совсем детьми, ищут *in vino veritas*, как говорили древние, — истину в вине. И это не такое уж фигуральное выражение. «Чувства — мглой самозабвенья переполни через край! Дай вкусить уничтоженья...». Попробуйте отнести эту великолепную тютчевскую формулу не к действительности, там она выгядит надуманной, выспренной — перемудрил поэт! Попробуйте отнести ее к состоянию опьянения, да не легкого, когда только-только зашумело в голове, а уже на взводе, на хорошем взводе, и даже — после того. Наступает кайф самозабвенья. Уничтоженье, угашение, блаженство нирваны. А ведь действительно в вине мы и нашли истину!

Вот и борись после этого с пьянством... В алкогольном угаре человек возвращается к тому, что утратил много тысячелетий тому назад, — к растворению в компании *своих в доску* друзей. И никакая благопристойная жизнь в нынешних деформированных, оторванных от природы человеческих сообществах не даст человеку того, что дает обыкновенная водка.

А почему пьют поэты, писатели, мыслители? У них что, меньше гармонии с окружающей действительностью? Нет,

конечно, просто у них гораздо тоньше и болезненнее ощущение дисгармонии и сильнее тяга к устранению этой дисгармонии. Вот они ее и достигают искусственными, химическими способами. Чувства мглой самозабвенья заливают через край, совсем по Тютчеву. Когда нет реального удовлетворения, то хотя бы отключаются датчики. Рефлексии, сознания, мысли, обратной связи. Ощущений, раздражимости.

...Есть такая притча про поэта Михаила Светлова. Уже на склоне лет участвовал он в одном процессе в качестве судебного заседателя. Слушалось дело об изнасиловании под наркозом. Михаил Аркадьевич мирно дремал и лишь раз встрепенулся, задал вопрос:

— *А наркоз был общим или местным?*

Общий наркоз отключает прежде всего душу, а потом и тело. Знание о знании, самое позднее и самое всемогущее завоевание эволюции, отбрасывается в первую очередь. Утрачивается самоконтроль, язык заплетается, лохматые витии несут околесицу. Теряется координация движений, в глазах двоится, восприятия путаются. Алкоголь отшибает напрочь и рефлексии, и обратную связь, возвращает к животной безмятежности, растительной бесчувственности, каменной неподвижности.

Предельное состояние — *мертвецки пьян*. Работяги в северных экспедициях, когда им по случаю завершения сезона начальство разрешало заварить брагу, утром просыпались под кустами, сплошь облепленные комарами, и сами удивлялись, как это они не чувствовали никакой боли.

Химия опасна тем, что консервирует пограничное состояние. И все физиологические, все психические процессы в организме изменяются. Эфемерное, сиюминутное становится долговременным, а эволюция этого не планировала. И приходится расплачиваться за это антиприродное преступление.

Естественные удовольствия и наслаждения предусматривают, что вслед за празднованием победы должно начинаться восстановление всех функций пострадавшего организма. Удовольствия сами по себе не запускают механизмы восстановления. Должно быть сделано волевое усилие, чтобы перевести орга-

низм из состояния праздности в рабочее состояние.

Конечно, бывают случаи, когда болеутолитель необходим. Чтобы снять болевой шок, принимают сто грамм или дозу. Индивид не погибает после преодоления смертельных опасностей. Без этого маневра в обход смерти он не остался бы в живых. Но эта отключка — не для восстановления.

В обычной жизни водку пьют из-за неспособности расслабиться, осознанно и плавно вернуться от перенапряжения к режиму нормального противодействия процессам распада. Пристрастие к болеутолителю вместо преодоления трудностей своими силами — удел слабых.

Отключение, забвение — самые неотвратимые соблазны. И если существует стремление к наслаждениям — значит, есть что забывать. «Нет в жизни счастья!» — были когда-то в моде наколки на плече у блатных. Что означало — вели они свою жизнь в вечном напряжении. В безостановочном подавлении нежелательных внутренних свидетельств. Соответственно, жажда поскорее сбросить нагрузку никогда не давала покоя.

Отключка — вовсе не осознание гармонии. No news — good news, говорят американцы. Но ведь когда до меня, до моего сознания, не доходят сигналы о неблагополучии, разве это означает, что все обстоит благополучно?

Не стоит путать божий дар с яичницей, счастье — со сладкой жизнью. Сладкая жизнь — несчастная жизнь. В ней нет никаких достоинств с точки зрения эволюции, здесь все — ложь, обман, подделки.

В основе нашего отношения к жизни лежит принцип удовольствия, провозгласил в начале XX века З. Фрейд. Причем удовольствие представлялись существующими сами по себе, отдельно от преодоления трудностей и устранения нарушений. Что ж, вектор социального развития был задан, и в конце XX века новыми богами новой Америки, по П. Дж. Бьюкенену, стали секс, слава, деньги, власть. Американцы захотели жить в удовольствиях, хотя в промежуточном, переходном состоянии жить нельзя. Много развлекухи

выявились вдруг в экономике. Спорт и культура превратились в разделы шоу-бизнеса. Настала эра порока.

Бои гладиаторов, лукулловы пиры, противоестественный секс, продажная власть, развращенная чернь — каких только мерзостей не было в эпоху разложения *Rax romana*. Чем же все кончилось? Вошел в президиум наемный охранник, заявил: «Караул устал» — и империя перестала существовать. Без войн и сражений, без бунтов и революций. Та же пресыщенность ведет и к распаду *Rax americana*.

Существо не нуждается в удовольствии, которого в природе как такового не существует. Живой индивид стремится к преодолению и, по устраниeniu препятствия, получает заслуженную награду. Цивилизованный человек отделил одно от другого, и удовольствие стало доступным *само по себе*. Более того, хуже того, намного, убийственно хуже — удовольствие стало товаром, предметом купли-продажи. Если немножко подругому — орден полагается за подвиги, как это было раньше. А теперь орден получает тот, у кого есть деньги. Много денег — вся грудь в крестах, а если ты бедный, то сам себя не похвалишь, и ходи как оплеванный...

Ну как же при таких извращениях уцелеть обществу? Оно неизбежно совершит коллективное самоубийство. И справедливым становится факт: самая уязвимая прослойка — это богатые. Туда и дорога им, наслаждающимся изысканными винами под закуску из устриц на борту собственного самолета, загорающим на пляжах частного острова в райских теплых морях.

Неувязочка вышла у белой цивилизации с выделением *самих по себе* удовольствий, отделенных от акта преодоления. Отделили силу от необходимости преодоления — получили атомную бомбу... Отделили знание от знающего, получили Интернет — абсолютное, всеуничтожающее оружие. Ах, если бы была возможность отделить жизнь от живых существ, выделить ее в чистом виде, вот было бы жизнью у миллиардеров полны карманы, и устроили бы они рыночный обмен, и стали бы они самыми жизнеспособными. А получается как раз наоборот...

Рыночная цивилизация принципиально бессовестна. *И жили они богато и счастливо...* Неправда. *Искусство богатства есть искусство делать ближнего бедным* (Дж. Рескин). *Не может быть один богат без того, чтобы другой не был от этого бедным* (Иоанн Златоуст).

Высший уровень рефлексии — размышления о смысле жизни. Человек и здесь оказывается выше всех. Ни животные, ни растения незнакомы с самоубийствами. Эта сомнительная привилегия остается за человеком.

Лев Толстой неоднократно возвращается в своих дневниках к поиску причин, почему же, имея все, что считалось достаточным для счастья, он оказался на грани самоубийства: «Все больше и больше почти физически страдаю от неравенства: богатства, излишеств нашей жизни среди нищеты... Особенно живо чувствую безумную безнравственность роскоши властвующих и богатых и нищету и задавленность бедных... Если богатый совестлив, то он стыдится богатства и хочет избавиться от него; а избавиться от него почти так же трудно, как бедному разбогатеть. Трудность главная — семья. Привычки можно преодолеть, но — семья...»

Обладание богатством должно приносить боль, потому что подрывает гармонию природы. Оно нарушает закон всеобщего сохранения. *Все мое, сказало золото...* Все отнял у других, и в чем же счастье? Где удовлетворение, хотя бы простое удовольствие? Ты всемогущ, любого можешь поставить на колени, заставить перед тобой преклоняться, выражать восторги... Но ты же понимаешь в глубине души, что это самообман!

Всевидающего бога не обманешь. Это означает всего лишь — совесть не обманешь. А если попытаешься, то будешь жить в вечном разладе, душевной дисгармонии. В несчастьи. Совершить грех перед богом — нарушить целостность души, занести вирус, заложить заряд динамита в душу. Ведь этот грех, то есть эгоистическое действие, наносящее вред ближнему, обществу, природе, будет разрывать душу в каждое мгновение жизни. И не в отдаленном будущем, а сейчас. Бу-

дет путать твои действия, ставить подножки на каждом шагу и не позволит делать хорошую мину при плохой игре, заставит только того и пугаться — а достаточного ли хороша моя мина, а может, совсем другую рожу надо было скорчить при нынешней игре, другую гримасу изобразить, другой жест обозначить.

Половина человечества страдает от хронической усталости. От перегрузок извращенной психики, груза непризнаваемых, отторгаемых укоров совести — «неправильно живете!». Усталость накапливается от постоянного лицемерия.

Псевдо-Гераклит: Бог наказывает подлецов не тем, что отнимает у них богатство, а тем, что умножает его, чтобы у них было на что грешить, отличая тем самым самих себя, и чтобы от преизбытка они выставляли напоказ собственную порочность. Пусть не покинет вас удача, чтобы вы позорились в своих подлостях!

Лев Толстой все, что имел, получал более чем заслуженно, за свои таланты и каторжный писательский труд. Но с точки зрения эволюции польза была в этом или вред? Если бы сильные использовали свои возможности для личных целей, вид бы вымер. Сила дарована для защиты слабых. Ведь кому дано больше, с того и спрос не такой, как с тех, кому природа уделила менее щедро. Они и должны идти первыми, прокладывая новые пути, открывать невиданные дали, сокрушать неприступные препятствия. И получать за это признания, восторги, почет и любовь зачастую, увы, посмертно.

Будда понял, что его *Я* вмещает все страдания мира. Высшее знание не даст тебе возможности наслаждаться иллюзиями, что чьи-то беды — сами по себе, а твои наслаждения сами по себе. Твоя душа соведает все чужое, которого и не существует вовсе, все не твое — оно тоже твое.

И тот, кто отдает все от полноты душевной, получает соответствующее вознаграждение. А кто удовлетворяется подделками и только делает вид, что блаженствует в отблесках славы, тот кончает свой век катастрофой. Верно говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Тоже ведь обратная связь. Уткнулись в тупик — значит, было выбрано неверное направление. Следует сделать шаг назад и снова продолжить путь в другом направлении.

Лев Толстой: «Западные народы далеко впереди нас, но впереди нас на ложном пути. Для того, чтобы им идти по настоящему пути, им надо пройти длинный путь назад. Нам же нужно только немного свернуть с того ложного пути, на который мы только что вступили...»

Американцы говорят о своей стране: права она или нет, но это моя родина. Да как же она может быть права, если она объедает всю планету? Совесть не позволит тебе испытывать удовлетворение от такого тупого патриотизма. Оттого и девятый вал самоубийств.

Когда богатеев человечество, беднеет природа. Биосфера теряет ежегодно десять — пятнадцать тысяч разновидностей живых организмов, и потому биологическое разнообразие, формировавшееся сотни миллионов лет, за ближайшие пятьдесят лет сократится на четверть. «Если бы Чарльз Дарвин жил в наши дни, его усилия, вероятно, были бы направлены не на изучение происхождения видов, а на описание их исчезновения» (Мустафа К. Толба, Генеральный директор ЮНЕП, программы ООН по окружающей среде).

Жизнь на планете Земля явно находится под угрозой уничтожения.

Не может совесть не взбунтоваться против такого свирепого гуманизма. Оттого и шизофрения. Совесть больна, когда твой внутренний прокурор не находит согласия с внутренним адвокатом.

ПРОБЛЕМА ПОЛА В ЗЕРКАЛЕ ЭВОЛЮЦИИ

*«Проклятые» вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.*

*Пришла Проблема Пола,
Румяная фефела,
И ржет навеселе.*

Саша Черный

В Советском Союзе, как известно, секса не было, как не было его и в православной Российской империи. Равно как и на благопристойном протестантско-католическом Западе. А потом явил себя миру Зигмунд Фрейд, и оказалось, что секса везде не просто выше крыши, а он еще и является основным инстинктом человека.

В своей преподавательской деятельности мне пришлось вплотную соприкоснуться с психологией первокурсников.

Мы другое поколение, мы не такие, как вы, доказывали мне студенты. Это вам, совкам недоразвитым, все было нельзя. А мы свободные, мы будем жить, как хотим сами. И то, что вы скрывали, мы делаем открыто.

Я не имею права уклониться! И я цитирую Бхагвана Раджниша, великого индийского гуру XX века, принимаю бой на территории противника:

— Секс — это гималайская вершина наслаждений, но это самая низкая среди всех гималайских вершин.

— А что же может быть выше, — заглядывают наживку мои яростные оппоненты, — акт под балдой, что ли? Под винтом или под мулкой?

Я начинаю рассказывать им о философии Востока, о Будде, который описывал состояния nirваны как блаженство, на несколько порядков более острое, чем сексуальное, и продолжалось оно в течение семи недель. О самозабвении в экстазе, о растворении в акте взаимоотдачи, о любви...

Нынешние юные не просто не такие, какими были мы, они с каждым годом делаются все более и более не такими. Мало того, что процесс пошел, он стал еще и самоподдерживающимся и самоускоряющимся. Нашу жизнь все более властно заполняет всепобеждающее и всерастворяющее телевидение! Реальная действительность меняется местами с виртуальной, божественно совершенное чудо природы превращается в страшное чудовище цивилизации. Что уж и говорить о роли Интернета!

Есть у проблемы и другой полюс. В девяностых годах в Хабаровске активную деятельность развернуло духовное братство «Единение», где собирались вместе

астрологи, атеисты, монахи, полковники, марксисты, бизнесмены, чиновники, мусульмане и прочие искатели истины.

И вот выступает один из очень верующих братьев, гитарист и бард, и, глядя на аудиторию обличающим взглядом, спрашивает: «А от секса вы отказаться можете?» Я не выдерживаю: «Виталик, а зачем от него отказываться? Кому от этого будет лучше?» И я предрекаю брату Виталию, что если он сумеет убедить всех мужчин, то женщины его отловят и повесят, и мне сильно сдается, не за шею...

Так где же истина? Не в середине же!

Трудности в понимании проблем пола состоят в том, что их невозможно рассматривать в одной плоскости. Есть плавное, регулярное течение событий, но есть и взрывы, не вписывающиеся ни в какие рамки.

А такое вы можете представить? Ласковая киска превращается в лютую тигрицу, принимается выть и рычать, в бешеных конвульсиях разнося в щепки мебель и вдребезги разбивая некстати подвернувшуюся посуду.

Ничего разумного нельзя усмотреть в ее поведении. Если раньше топор, который был игрушкой в моих руках, она поднимала с натугой, то теперь и предельного перенапряжения моих сил не хватало, чтобы сдержать натиск ее стальной мускулатуры, и никакое препятствие, вставшее на пути устрашающих рывков, толчков и тычков, не было способно выстоять.

С чем бы я мог сравнить этот запредельный выплеск энергии?

Когда на меня, как снаряд из пушки, летела разъяренная медведица, ее поведение было столь же угрожающим, как и у моей подруги в припадке любви. Но что у них могло быть одинаковым? Грань между жизнью и смертью, будь то уже родившиеся медвежата или потомки, которым еще предстояло родиться. Человеческие детеныши. В обоих случаях моя жизнь превращалась в малозначущую случайность. Мне повезло. Я остался в живых. Судьба оказалась ко мне благоклонной.

И таким ли уж фантастичным можно считать пересечение медвежьей и женской линий жизни? Как напутствовали

старожилы приезжего новичка: чтобы стать настоящим дальневосточником, ты должен выпить бутылку водки, пожать лапу медведице и переспать с чукчанкой. Претендент на почетное звание выхлебал вечером из горла всю водку до доньшка и отправился в тайгу. Утром вернулся помятый, окровавленный, вдрызг расцарапанный — где та чукчанка, которой я должен пожать лапу?

Сотворение будущей жизни — это бешеные страсти, где ставка гораздо больше, чем твоя эфемерная индивидуальная жизнь. На кону — вечность рода людского. Вселенная начиналась с Большого взрыва, говорят астрофизики. Но что это за чудосочная абстракция, придуманная хилыми очкариками! С самого большого взрыва начиналась жизнь. И японцы правы, исчисляя возраст человека не со дня рождения, а с момента зачатия.

Согласно теории относительности, ничтожные массы материи превращаются в чудовищную силу энергии. Но и зарождение жизни — событие не менее бурного превращения. Это переход. Пограничное состояние, как на фронте ударной волны, сметающей все на своем пути. Все становится не таким, как в этой жизни, по эту сторону пограничного состояния. Тут — обыденность, а там — трансграничная тайна.

...Рукопись «Дьявола» Лев Толстой прятал от жены за обшивкой кресла. Рассказ был посвящен отношениям помещика Евгения с крестьянкой Степанидой, но вряд ли Софья Андреевна приняла бы эту историю за отвлеченный вымысел. Вот как выглядели деревенские страсти юной женщины: «...На обычном месте все, покуда могла достать рука, все было переломано: черемуха, орешень, даже молодой кленок в кол толщиной. Это она ждала, волновалась и сердилась и, играючи, оставляла ему память».

Лиля Брик вместе с мужем Осипом и Владимиром Маяковским жили одной семьей, сейчас это называется шведская семья, в одной квартире. И когда она занималась любовью с Осипом, поэта запирали на кухне, и он в ярости крушил там мебель. Правда, есть свидетельства, что в симметричной ситуации приводил

в негодность кухонный инвентарь уже законный супруг Осип.

Говорят, талант — он во всем талант. Фидель Кастро: высокий рост, могучая фигура. Его эмоциональная мощь могла увлечь и сотни тысяч участников митинга, и сотни миллионов последователей по всей планете.

Работоспособность не уступала другим достоинствам его многогранного таланта — он выполнял ежедневную норму рубщика сахарного тростника, руководил страной и успевал по ночам давать интервью религиозным мыслителям. Ум, энергия, стальная воля слились воедино в этой уникальной личности. Речи Кастро, без бумажки, продолжались до четырех — семи часов. И миллионная площадь в Гаване перед Дворцом революции выслушивала его до конца, не шелохнувшись. Как и Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций.

Как счастлив был Фидель, маршируя по улицам освобожденной Гаваны! Он прямо купался в проявлениях любви со стороны народа. Сибирские лесорубы останавливали на рельсах поезд, на котором ехал Фидель. Кубинские женщины кричали в экстазе, падали в обморок, когда видели его перед собой. По некоторым подсчетам, впрочем нотариально не подтвержденным, его оделили своими ласками тридцать пять тысяч женщин. Прекрасная половина рода человеческого называла его Кабалло, что в русском не слишком точном переводе означает Жеребец.

Обычно такие аномалии квалифицируют как разврат. Вот только не вяжется подобная оценка с высокими оптимистическими реалиями динамичной жизни Острова Свободы. Зато для поверженной, разлагающейся Германии двадцатых годов прошлого века социальные болезни были определяющими. Как и для нынешней нашей бывшей великой державы. Эти психологические извращения и изучал на примере своего объекта теоретик киноискусства Зигфрид Кракауэр, — разврат часто является бессознательной попыткой заглушить ощущение глубокого внутреннего отчаяния.

Вот она, питательная среда для бурного размножения самых смертоносных ба-

цилл! Безысходность. Куда ни глянь — ни единого проблеска света в царстве уныния и мрака. Лицемерная, отталкивающая благопристойность бюргерского образа жизни, для женщины это обязательные *три К*: Kinder, Küche, Kirche (дети, кухня, церковь). Как был у немцев выбор только между хаосом и тиранией, так и встала перед ними лишь альтернатива — разврат или убогое морализаторство. Обыватель жил как все вокруг. Бунтарь выбирал разврат. Но это был бунт на коленях.

Есть естественные потребности и есть их искусственные подмены — запросы, претензии, похоть, разврат. Кроме педали газа «Вперед!» — у индивида есть и тормоза «Поберегись!». Они заботятся о сохранении личной жизни, без которой не будет и эстафеты поколений. В штатном режиме ограничители играют свою положительную роль, не дают организму пойти вразнос при ускорении, удерживают от вылета под откос на крутых виражах... Тише едешь — дальше будешь.

Но бывают в жизни и чрезвычайные ситуации, когда забота о сохранении личного здоровья полностью отключается. А то попривыкали к размеренной жизни, к сбалансированному питанию, к регулярному безопасному сексу, в час по столовой ложке, развежились в убаюкивающей цивилизации теплого туалета. Нормы нужны для обычного образа жизни, но и навыки к экстремальному перенапряжению нельзя утрачивать.

...В Охотоморской экспедиции самым опасным для рыбаков был зимний промысел, когда налетали ледяные шторма. Заплески намерзали на бортах и надстройках, на вантах и на палубе. Центр тяжести сейнера поднимался все выше и выше. Судно теряло остойчивость и при сильной качке могло опрокинуться. И никакие спасательные жилеты не спасли бы. В студеной воде, даже если и не утонешь, остаться в живых невозможно.

Требовалось обкалывать лед и сбрасывать его за борт. Вся команда, кроме рулевого, бралась за топоры, и ни конца ни края, ни отдыха и перекура невозможно было и представить даже в отдаленной перспективе. Пока корабль не спрячется от шторма в бухте отстоя. Два брата

Ветровых, Вася и Димка, понимали, что подошли к самой опасной грани. Да тут еще и непредвиденное препятствие. На корме была сложена поленища дров для печки. Лед сцементировал эти поленья в нескрушимый монолит. Воевал с ним Димка, воевал, не выдержал, сел на дрова. Не могу, говорит, Вася, сейчас сердце лопнет! А старший брат к нему подлетает — и по морде, по морде, со всего маху, убить готов. Я те дам сердце! Со здоровым сердцем на дно пойдем! Кто о сердце думал, все уже давно утопли!

И вот вам параллели с проблемами пола. В сексуальном психофизиологическом состоянии ограничители снимаются. Почему? Когда гибнешь, в последний рывок ты вкладываешь все, что есть, не беспокоясь о здоровье. Но ведь и тут тоже — как в последний раз. Ради святого дела продолжения жизни любые неприкосновенные запасы надо пускать в расход. Воспроизводство рода важнее твоей единичной жизни.

Безмерная любовь не только фигурально разбивает сердца, она их еще и реально разрывает, да в гораздо больших масштабах. Сам погибай, а потомка породжай! Вот в чем смысл контакта мужчины и женщины. Это не процедура потребления — еще одно пирожное скушать, как понимает секс нынешняя молодежь. Да и тратишь-то ты не свою силу, а энергию солнышка. Сначала ее вобрало в себя растение, дальше она перекочевала в желудок животного и в его тело. Человек получил ее вместе с котлетой и гарниром, так что ему остается только тратить. И вот даже такой-то мелочи он делать не умеет, как выясняется. Экономный он, как французский буржуй, как немецкий бюргер!

Как заставить его выдать больше энергии, чем позволяет система предохранителей, стоящих на страже здоровья? На повышение энергоотдачи направлены усилия спортивной фармакологии. Индустрия допинга породила сложнейшую химию, которая сумела вынудить буржуа раскошелиться. Но самые изобретательные тренеры решили вернуться к истокам. Пловчихи перед стартом приводили себя в состояние как перед оргазмом. Вот уж где шел выплеск энергии на дистанции!

Если не послушаешься зова плоти, голода, — вымрешь индивидуально. Если не послушаешься зова плоти, полового влечения, — ничего с тобой лично не стряется, за тебя другие постараются, род все равно продолжится. Но все же это очень ценное завоевание эволюции — хотеть всегда, хотеть везде, до дней последних донца, хотеть — и никаких гвоздей!

Почему в богатых странах резко снижается рождаемость, прекращается рост населения? Потому что размножение — это борьба за сохранение рода человеческого, а благополучные страны с достигнутым жизненным комфортом и культом сладкой жизни теряют глубинный, укорененный в растительном слое эволюции инстинкт самосохранения.

Человек знает о вечности, понимает ее недостижимость для себя, но все же стремится к бессмертию и отодвигает всеми силами свою индивидуальную смерть. И на этапе рефлексии, знания о знании, возникает масса противоречий.

Сколько копий было поломано в спорах об эликсире личного бессмертия, сохранения души после смерти тела, реинкарнации, метемпсихоза, переселения на тот свет и обратно... И до чего же хорошо, что все эти цели недостижимы! Сколько бы вреда нанесла жизни их реализация! Сохраняет вечность, принося неоценимую пользу, только эстафета поколений. Поколения сменяются не как на конвейерной ленте, непрерывно движущейся с постоянной скоростью. На каждом этапе есть стимул оттянуть приход тьмы как можно дольше, чтобы укрепить, украсить, усовершенствовать жизненные процессы и окружающий мир. При личном же бессмертии — куда спешить-то, на все и так времени хватит!

И сколько открытий приносят мучительные размышления о смысле жизни! Если обязательным условием бессмертия служит смерть одной индивидуальной жизни и рождение новой, то неизбежны надломы, расколы, вспышки, взрывы, трансграничные переходы, запредельные деформации...

Эта вечная оптимистическая трагедия природы разыгрывается на сцене мира с удивительным постоянством, повторяя на

новых витках развития старые сюжеты. Чем сильнее индивид, тем больше он способен выдерживать удары судьбы и тем больше у него вероятность оставить сильное и более многочисленное потомство. Лесной богатырь, поднявший свою крону выше всех окружающих деревьев, разбрасывает семена на самой большой площади. Сивуч, доказавший свое превосходство над прочими претендентами на отцовство, улучшает генетику всего ластоногого рода.

Когда я общался со своими друзьями, принадлежащими к монголоидной расе, меня часто коробила гордыня многих, называющих себя чингизидами, прямыми потомками Чингисхана. И вдруг — результаты генетических исследований населения Монголии: четверть страны оказались носителями одного и того же гена. Очень большой вклад в формирование нации самолично внес основоположник средневековой империи! Надо думать, неукротимый дух степных воинов был получен ими как прямое наследство прародителя. И в нынешней табели о рангах самым любвеобильным мужчиной в истории человечества признан Чингисхан.

А команданте? Уж, наверно, у стольких-то тысяч его поклонниц появилось на свет великое множество фиделидов. И, может, Куба осталась непокоренной именно потому, что половина ее нестигаемых солдат унаследовали стойкость и силу вождя Кубинской революции?

...Лютая тигрица в конце концов снова перевоплощается в ласковую киску. Начинается разбор полетов.

— А ты, в экстазе, совсем ушла в отключку?

— Ну уж нет, надо же было понимать, что это именно я испытываю наслаждение!

Все правильно, чувство есть лишь тогда, когда существует чувствующий. Но до чего же утонченный эгоизм! Ведь бывает и полное прекращение существования.

Первокурсник Денис Денисов, вдохновенный танцор: «Когда выхожу на сцену, я все замечаю и все помню. Но лишь прозвучали первые аккорды — мир исчезает, пока не услышу гром аплодис-

ментов». Происходит растворение в стихии танца. Если бы танцор мог хоть одним глазком понаблюдать за собой, исчезло бы все обаяние искусства.

Суфизм, мудрость песков, различает состояния *фана*, когда человеческое *Я* сгнуло (случается, что и без возврата) в чреве рыбы самоисчезновения; *бака* — почти то же самое, но с одним отличием. Нить Ариадны, позволяющую найти путь обратно, ты все же не выпускаешь из рук. Когда женщина, возвращаясь в этот мир, спрашивает: ах, где я была? — тогда понятно, что побывала она на седьмом небе. А если она все же помнит еще хоть что-то — значит, выше шестого неба не поднялась. И с чревом рыбы самоисчезновения так и не познакомилась.

Секс вторичен относительно главной ценности мироздания — вечности жизни, и только с этих позиций его и можно оценивать. Нет проблемы пола. Есть проблема вечности вида при смертности индивида.

А Фрейд виновен не в биологизации человека, в чем его обычно обвиняют, а в

его дебиологизации. О каком блаженстве *самадхи* в безопасном сексе может идти речь, ведь тут нет ни преодоления трудностей, ни избавления от страданий, ни причастности к вечности. Только приятное механическое щекотание нервных окончаний. Все равно что пятки чесать, пробуждать чувствительность в подмышках или других *эrogenных зонах*.

В человеке, говорят йоги, энергии больше, чем в атомной бомбе. Ядерный боезаряд состоит из двух разделенных половинок, каждая из которых имеет массу меньше критической. При их соединении происходит взрыв. И он не оставляет неиспользованной ни одну частичку распадающегося материала. Так же и при соединении полов. Пол человека, по-русски, это полчеловека. Две половинки стремятся к воссоединению, взрывному блаженству. Энергия выделяется взрывообразно и вся без остатка. Преодолен предел. Оставлена позади грань смерти и бессмертия. Смерти индивида и бессмертия вида. Гигантский выброс энергии породил крохотный зародыш жизни.

СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Много есть на свете удовольствий, радостей и наслаждений, а счастье всего одно. И неизвестно даже, как оно пишется во множественном числе. И как произносится.

И совесть у человека тоже одна. Совесть — высшее знание человеческое.

*Жила, к труду привычная,
Девчоночка фабричная,
Росла, как придорожная трава.
На злобу неотвечная,
На доброту приветная,
Перед людьми и совестью права...*

*Что было — не забудется,
Что будет — то и сбудется,
Да и весна уж минула давно.
Так как же это вышло-то,
Что все шелками вышито
Судьбы моей простое полотно.*

Михаил Анчаров

Очень глубокое проникновение в эпоху продемонстрировал поэт. Душа

человеческая — отображение социальной реальности. К труду героиня стихотворения была привычна, а от трудов праведных не наживешь палат каменных. На бирже не спекулировала, шоу-бизнесом не занималась... И уровень ее благосостояния не представлял угрозы для биосферы. Яхты у нее не было, виллы тоже, жила она, скорее всего, в коммуналке, где все детишки, куча-мала, были своими для любой мамы на кухне.

С учением Будды она едва ли была знакома... А вот про Павку Корчагина слышала, и не забывала про жизнь, которую надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. И перед людьми и совестью была она права, потому что собственности у нее было не больше, чем у придорожной травы, никого она не обездолила, чужого не заедала, природу не истощала. За что и было шелками вышито простое полотно ее судьбы. И никто ей не завидовал, ну

чему тут позавидуешь-то, и она никому не завидовала — все жили примерно одинаково, потому что, говоря языком экономической теории, индекс социальной несправедливости в сталинской, да и в брежневской тоже, советской России был минимальным.

Счастье — это полная гармония, это согласие между твоей душой, твоим телом и внешним окружением. Понимание незамутненности твоей жизни, отсутствия в ней каких-либо нарушений, как на уровне процессов, так и обратных связей и рефлексии. И совесть как высшее знание — это самая высокая точка зрения, с которой ты оцениваешь самого себя, свое поведение и свои ответы на призывы и вызовы судьбы.

Счастье индивида — в том, чтобы делать все для вечности жизни. После нирваны Будда прожил еще почти полвека, и была это обычная жизнь, он упирался как завхоз в своих административных заботах о благоустройстве и перевоспитании членов сангхи — общины первых буддистов.

Если же ты не смог преодолеть трудности, победить, ты выложилась весь, но сил не хватило — ты все равно не будешь чувствовать себя униженным. Тебя оскорбили безо всякой вины с твоей стороны, изнасиловали твою дочь, сестру и жену, а самого тебя угнали в рабство, как это бывало на Руси в эпоху татаро-монгольского ига. Какое же тут может быть счастье?

Рабы, которым удавалось вырваться на свободу, становились казаками. Им уже нечего было терять. С жизнью они расстались, когда попали в полон. У них не было дома, семьи, привязанностей, привычек, надежд и ожиданий. Не осталось ничего, кроме жажды мести. И потому казачья опасность была для татарских станов и кошей страшнее смерти. Словие казачества стало священным ветром мщения, смертоносной субстанцией, всепроникающей, неуправляемой и непредсказуемой.

Взгляните на картину И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Похожи они на несчастных? Нет же, они сражаются и тем снимают все упреки со своей совести. Они нашли свое счастье в борьбе, хохочут все — и стар и млад, седые и русые, лысые и куд-

рявые... В центре композиции человек канцелярского облика с гусиным пером в руке. Он писарь в войске. Но ведь и он воюет. Как может. *Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...*

А тем, кто покорно стонет и плачет под игом врага, пусть будет мучительно больно за постыдно прожитые годы.

...У заведующего кафедрой медицинской реабилитации Хабаровского медуниверситета Валерия Николаевича Загорудько есть рассказ «Инфаркт». Попробую изложить его в своем понимании. С одной оговоркой. У арсеньевского Дерсу, как считают некоторые, десять процентов от Дерсу и девяносто от Арсеньева. И пусть мой Дерсу не удивляется, если не опознает себя в моем пересказе.

Жил-был профессор, доктор наук старше шестидесяти, и стало ему как-то нехорошо. Собрался консилиум: доктора, профессора, медицинская сестра, академик по китам, академик по котам — и вынесли они диагноз: инфаркт. Не пить, не курить, о любви не мечтать, больше пяти килограммов не поднимать, и вообще соблюдать жесточайший постельный режим. Все принял наш герой, с одной только поправкой — провести эти процедуры на полпути между БАМом и Транссибом. Взял он с собой рюкзаки, лодку, перевалил через водораздел, накачал лодку и отправился в неизвестность. Неожиданно выяснилось, что плавать он не умеет. По всем требованиям сюжета ему полагалось тонуть, иначе никакого рассказа не получится, что он и выполнил со всеми положенными подробностями. И вот перед его глазами последнее, что он увидел в своей жизни: сверху черно-зеленая вода, перекрытая плавающими лесинами, как бревенчатый потолок. И вдруг его осенило — ведь это же великолепный поворот сюжета! Могу ли я позволить уйти в небитие такой находке?!

Стократ увеличила профессору личные возможности творческая выгалькивающая сила, и разбросал он, как детские мячики, тяжеленные бревна. Рукописи не горят, сюжеты не тонут. Вместе с сюжетом вынырнул и автор. Но ведь вместе с нетонущим сюжетом на дно могло пойти научное открытие — как надо жить, что-

бы избавиться от инфарктов, чтобы быть вечно здоровым, в вечном тонусе и в готовности к преодолению. Сюжет выплыл, научный результат не утоп, а инфаркта, по возвращении профессора на кафедру, — как не бывало!

А попробуйте представить, что на месте нашего профессора оказался Дмитрий Иванович Менделеев, и пришла ему в голову последняя мысль: химические элементы надо разложить по клеточкам таблицы! Неужели он мог бы позволить погибнуть такому научному достижению? Да он бы разметал потолок, даже если бы тот был железобетонным! Выживают не сильнейшие, не самые алчные и конкурентоспособные. Выживают талантливейшие, самые нужные человечеству, без которых оно вымерло бы, серое, унылое и убогое.

...Завгрудько и запорожцы. Какая между ними связь? Все фигуранты этого обсуждения имеют отношение к проблеме «Бессмертие и счастье».

Счастье — когда тебе даже в самую тяжелую минуту не становится стыдно за бесцельно прожитые годы, когда ты не чувствуешь себя униженным, покоренным, немощным и больным. Конечно, это идеал, и полная гармония кажется недостижимой, но высший уровень, человеческое достоинство может выправить ситуацию, переключить с минуса на плюс показатели животного и растительного уровней.

Взять хотя бы тот случай с инфарктом у таежного первопроходца В. Н. Завгрудько: «Да, пусть признали у меня наличие инфаркта по всем объективным данным, а я назло, субъективно, по собственной прихоти, этого не признаю. Я не больной, я не старый, я преодолел преграды, невысказанные даже для крепких парней. Я на том стою, и с места меня никто не сдвинет! И вот я возвращаюсь из похода, и те же объективные показатели неопровержимо показывают — здоров, молод, никакого инфаркта, хоть сейчас в космос».

И с запорожцами. Пока рука держит саблю, никто не посмеет смотреть на меня как на униженного и оскорбленного!

Счастье — вовсе не богатство наслаждениями. Это состояние не переходное, не пограничное, а нормальный ход жизни

между одним наслаждением и другим наслаждением, между одной болью и другой болью.

И не в избавлении от личных болей и житейских трудностей человек обретает собственное достоинство. Вот в водопроводной трубе вода гудит, сверлит мозги, ни сна, ни отдыха, ни работы, ни покоя. Отремонтировал я свою сантехнику, нигде ничего не рычит и не свистит... Болело сердце, перестало. Жил в коммуналке, переселился в отдельную квартиру, в должности повысили, зарплату прибавили... Все плохое прошло, ушли потрясения, все восстановилось, и что ты теперь испытываешь — беспросветную скуку и пустоту или безмерную гордость?

Какой разговор о высших ценностях мог идти в райском уголке с чистой экологией и полнейшим семейным достатком, где *деревенский старожил смотрел в окно и мух давил*? Когда ты не переживаешь из-за того, что в мире столько страданий, внутреннее чутье сразу подскажет — зря живешь.

Ф. Э. Дзержинский в 1897 году писал сестре из тюрьмы, где из него вышибали признания и морили голодом: «Ты называешь меня беднягой. Крепко ошибаешься. Я гораздо счастливее тех, кто на воле ведет бессмысленную жизнь. И если бы мне пришлось выбирать, тюрьма или жизнь на свободе без смысла, я избрал бы первое, иначе и существовать не стоило бы. Тюрьма страшна лишь для тех, кто слаб духом».

Так что же человеку надо и зачем все-таки я живу?

А на каком языке мы будем рассуждать о проблеме? Мысль — это проговаривание *про себя* своих споров с воображаемыми или реальными собеседниками, а разговор невозможен, если одно и то же слово понимается неодинаково. Так что язык — это продукт нахождения единства в мировосприятии. Вот только у европейцев мировосприятие уж слишком нестандартное.

— *Впередсмотрящий!* — кричит капитан из рубки. — *Что у нас там прямо по курсу?*

— *Шестивесельная иллюпка, сэр!*

— *Впередсмотрящий, что у нас слева по борту?*

— *Шестивесельная шлюпка, сэр!*

И справа по борту шестивесельная шлюпка, и слева по корме — все та же шлюпка.

— *Да снимите же ты, наконец, вошь с бинокля!*

Анекдот, правда, моряцкий, речь шла о немножко другом насекомом, ну да ладно, суть дела от того не меняется.

На самом деле у любого вперёдсмотрящего на стекле бинокля нарисована целая картина мира: материя имеет атомно-молекулярное строение, планеты обращаются вокруг Солнца, вселенные разбегаются на все стороны, если нам что-то надо от другого человека, то мы говорим ему не о наших нуждах, а о его выгодах, рыночная система не имеет совести, бизнес есть бизнес, ничего личного.

И эта картина у научно-технической цивилизации — как гайка с левой резьбой, она ни к чему не подходит и ни с чем не соединяется. А у человечества вне маленького европейского полуострова картина иная. В центре мироздания стоит человеческое *Я*, охватывающее все существование.

И вот старинная гравюра: человек прорвал границу мира, сферу, к которой прикреплены неподвижные звезды, просунул голову сквозь дыру и жадным глазом изучает — а что же там, снаружи?

Человек рождается с шилом в заднице. В самом глубоком детстве мне не давал покоя вопрос, а что же там, за околицей деревни Чириково? В классе последнюю парту называли Камчаткой, поэтому неизбежно я оказался после института на краю света, где утром из-под воды всплывает солнце. И изучал я поначалу некоторые вопросы геологического строения бассейна среднего течения реки Быстрой. Потом горизонты расширились, я приступил к исследованию всего (!) бассейна реки Быстрой. Дальше — вся Камчатка, Дальний Восток, Евразия, геология всей планеты. Но есть же более совершенные науки! Физика, математика, логика, философия... И можно ли было не заметить мир дикой природы, народную культуру, литературу и искусство? Все вокруг было захватывающе интересно! Был ли я счастлив? Еще как!

Гармония существования — это не когда капля росы вливается в океан, а когда океан вливается в каплю росы... И не ищите тут дешевого парадокса. Для философии Востока это очевиднейшая аксиома, да и на другом берегу неоднократно вспыхивали прозрения. *Субъект, человек то есть, богаче объекта, внешнего мира* (Лейбниц). *Микрокосм, внутренний мир человека, шире макрокосма* (отец Павел Флоренский). *Смерть человека — гибель Вселенной* (академик-геолог Ю. А. Косыгин, мой учитель).

Доказательства элементарные. Все, что мы видим вокруг себя, — это один временной срез мира. А в нашей душе, сокровищнице памяти, хранится полное достояние познания. Все временные срезы, от сотворения мира до конца времен. Это историческая память человечества, это эволюционная память живых существ от первоклетки до венца творения, человека.

И шло бы все прекрасно и счастливо, если бы не возникла цивилизация, уклад жизни городов (*civitas*). Собственность, алчность, холодная отчужденная наука, асфальт и Интернет поставили все живое, да и неживое тоже, на последнюю грань. Кризис, с греческого, — суд. Страшный суд призывает к ответу: что же вы натворили, несчастные?

Если бы мир был счастлив, не было бы нужды в религии, проанализировав технологию изготовления богов на фабрике человеческого ума, делает вывод доктор Сарвепалли Радхакришнан, президент Индии, автор фундаментального обобщения «Индийская философия». Религию и породили поиски утешения, религия и одарила человека тем, что он искал.

Все мировые религии против богатства.

Иисус проклинает богатство настолько безоговорочно, что его проклятия невозможно истолковать как-то иначе. «...*Горе вам, богатые, горе вам, пресыщенные ныне...*». «*Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие!*» «*Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Божие*». Нельзя быть богатым и добрым,

отвергал Он слащавую сказку о милосердном богаче и благодарном ему бедняке.

«Не можете служить Богу и мамоне». «...Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах...».

То же и в исламе: *Увлекла вас привязанность к богатству, пока не навестили вы могилы. Так нет же, вы узнаете! ...Вы непременно увидите огонь! ...Горе всякому хулителю-поносителю, который собрал богатство и приготовил его! Думает он, что богатство его увековечит. Так нет же! Будет ввергнут он в «сокрушилище».*

А вот буддийская Дхаммапада:

О! Мы живем очень счастливо, невразлужные среди враждебных.

О! Мы живем очень счастливо, неалчущие среди алчных.

О! Мы живем очень счастливо, хотя у нас ничего нет.

Питаюсь радостью, мы живем как сияющие боги.

Но сейчас, на переломе эпох, возникли тяжелейшие смысложизненные проблемы и в стане религии.

Эрнесто Карденаль, священник, исключенный из ордена иезуитов за отказ выйти из революционного правительства Никарагуа:

Христианству не удалось создать нового человека, потому что оно не меняло структуру. ...Необходимо изменение общества. Марксизм — плод Евангелия. Новый человек — это человек, лишенный эгоизма, который живет, чтобы служить другим. Это человек социалистического общества, общества, в котором нет эксплуатации и человек ценится не за то, что отнял у других, а за то, что им дал. ... Че Гевара был человеком, совершенно лишенным эгоизма. Новый человек Кубы — это тот же новый христианский человек.

Святая Мать Тереза в 1986 году заявила на Кубе: «Я считаю учение Христа глубоко революционным и абсолютно соответствующим делу социализма. Оно

не противоречит даже марксизму-ленинизму».

Основоположник движения красных католиков, колумбийский священник Камило Торрес взял в руки автомат и ушел в джунгли к партизанам. Вел пастырские проповеди и переводил труды Маркса, Мао и Ленина, разъяснял прихожанам основы марксизма. В его лесной церкви рядом с иконой Христа висел портрет Фиделя. Погиб в бою с карателями.

Джордж Блейк, успешный профессионал английской секретной службы, прошел путь мучительного самопознания и сделал категорический вывод: «Иного выбора нет!» Начал работать на КГБ, был разоблачен, на суде мог бы получить минимальный срок, но во всеулышание заявил о собственной инициативе по передаче секретных данных стране-врагу. И получил пять максимальных. Три последовательных (14 x 3 = 42) и два параллельных. Побег из тюрьмы. Работа в органах, созданных Ф. Э. Дзержинским, и...

Вот какие итоги подводит девяностолетний ветеран советской разведки: «Я искренне восхищаюсь русскими, среди них я чувствую себя дома. Двадцать четыре года, проведенные в этой стране, стали самым спокойным и счастливым периодом моей жизни... Спросите кого-нибудь, верящего в загробную жизнь, как он ее себе представляет. Он может оказаться ярлым реакционером, даже самой миссис Тэтчер, но опишет вам то, что, по сути, и является коммунистическим обществом, где все равны, где нет богатых и бедных, борьбы и войн, зависти и ненависти. Это значит, что сей идеал живет внутри нас и заставит человечество вновь и вновь стремиться к нему».

Параллельные линии сходятся! В бесконечности. В служении вечности Жизни. И нет принципиальных расхождений между ценностями, высшими для Павки Корчагина, Фиделя Кастро, Камило Торреса и святой Матери Терезы.

